На подмосковном рубеже

Александр Альфредович Бек

SHOUT
SHARE
IT

- Бек Александр Альфредович

Бек Александр Альфредович
На подмосковном рубеже

Александр Альфредович БЕК

НА ПОДМОСКОВНОМ РУБЕЖЕ

Рассказ

Невидный домик в недолгом уличном ряду. Спешиваюсь; в ответ на приветствие часового беру под козырек, всхожу на крыльцо, откидываю незапертую дверь. Сени. Еще одна дверь. Толкаю ее. Комнату освещает небольшая керосиновая лампа-десятилинейка, прикрепленная к стене.

- Встать! Смирно! - негромко командует Рахимов.

Почему-то здесь, в штабе батальона, находятся и командир и политрук роты, которой выпала доля оборонять Горюны. Карие глаза Брудного, обычно веселые, смышленые, сейчас сумрачно смотрят из-под серой шапки. Политрук Кузьминич опустил руки по швам, замер в своей грубой солдатской шинели, которая, как и прежде, не под стать его залысинам, тонкому рисунку носа, складочкам, морщинкам вокруг глаз и другим знакам книжника, оттиснувшимся на лице. Он явно взволнован. Впервые замечаю, как сквозь изжелта-темный отлив его щек, которые, казалось, навсегда раззнакомились с румянцем, проступили красноватые пятна. Рахимов тоже одет в шинель и шапку. Через плечо перекинут ремешок полевой сумки. На голом, без скатерти, столе не видно ни карты, ни иных бумаг. Должно быть, Рахимов, всегда в мое отсутствие заменяющий меня, собрался выйти. Пожалуй, во всем этом еще нет ничего чрезвычайного, однако в ушах глухо ударяют барабаны.

Рахимов рапортует:

- Товарищ комбат! Третья рота и специальные подразделения прибыли согласно приказу в деревню Горюны. Взвод связи...

- Погоди, - говорю я. - Брудный, ты почему не в роте?

Брудный молчит. Странно. Ведь у него обычно словечко наготове. Обращаюсь к Кузьминичу:

- Да и вам, товарищ политрук, следовало бы находиться с бойцами, а не здесь. Сюда вас приглашали?

Кузьминич по-прежнему стоит в положении "смирно". Эта поза, преданный, серьезный взгляд безмолвно говорят о стремлении быть мужественным, исполнительным, нужным. Но отвечает он совсем не по-военному:

- Ужасный случай, товарищ комбат.

Одернуть его? Усмехаюсь:

- Более сильного выражения не нашли?

Вмешивается Рахимов:

- Разрешите доложить.

Неторопливо расстегиваю шинель, снимаю ушанку, сажусь у печи, источающей тепло. Чувствую, как горят с мороза щеки, их будто покалывают сотни иголочек. Смотрю на своих соратников, братьев по оружию, с которыми проведу на этом, быть может, нашем последнем рубеже четыре грядущих дня.

- Товарищ Кузьминич, докладывайте-ка вы.

Сообщение Кузьминича было окрашено его волнением. Время от времени Рахимов, не забывая сказать "разрешите", вставлял ради точности одно-два замечания. Несколько штрихов прибавил и Брудный, к которому, однако, далеко не вернулась разговорчивость. Картина случившегося наконец для меня вырисовалась. Попробую ее воспроизвести.

...Немецкая батарея посылает снаряд за снарядом в Горюны. Это бесприцельный огонь. Противник бьет, что называется, по площади. Деревня вся уместилась на взгорке, выстроилась двумя порядками. Обстрел напугал новичков. Для необвыкшей, незакаленной души это и в самом деле мучительное испытание. Ты заранее слышишь: "тю-тю-тю" - снаряд летит, прорезает толщу воздуха. Затем удар о преграду, стук и резкий громкий треск. С таким треском во взметнувшемся пламени - ночью оно, это пламя, озаряющее все вокруг, выглядит особенно страшным, - с таким треском лопается металлическая оболочка снаряда. И тотчас слышится множество тонких, режущих звуков, разлетаются осколки. Можно ловить все эти звуки вплоть до окончания разлета.

Вместе со снарядами немцы будто насылали порчу: молодые солдаты роты Брудного, попавшие под свою первую обстрелку, прятались за избами, сараями, поленницами. Командиры взводов, командиры отделений искали, собирали людей. Часовой, охранявший перекресток, где от ленты асфальта отделялась дорога на Матренино - тут, у скрещения, довольно густо ложились снаряды, - бросил пост, удрал. Усатый Березанский, назначенный на этот вечер разводящим, отыскал его в соломе, повел снова на пост. По пути встретился забегавшийся, запыхавшийся Кузьминич. Остановились на шоссе, он принялся стыдить, отчитывать провинившегося. Подошел и командир взвода. То угрожая, то взывая к совести, Кузьминич продолжал разнос. В эту минуту засигналила приближавшаяся легковая машина, идущая в сторону Москвы. Все посторонились. Неожиданно машина остановилась. Из раскрывшейся дверцы на асфальт вышел грузноватый человек в мерлушковой генеральской

шапке и кожаном черном пальто. Прозвучал его низкий сильный голос:

- Что здесь происходит? Кто старший?

Думается, вы уже узнали генерал-лейтенанта Звягина. Он ехал из Матренино, возвращаясь, видимо, в штаб армии.

- Извините, - в своей невоенной манере проговорил Кузьминич. - А вы, товарищ, кто?

Звягин подал политруку карточку-удостоверение. Свет электрофонарика упал на документ. Кузьминич отдал честь, назвал себя, вернул удостоверение.

- Так что здесь происходит? - повторил Звягин.

- Откровенно говоря...

- Чего вы мнетесь?

- Не знаю, товарищ генерал, как и сказать... Отдельные бойцы... Я недавно с ними прибыл. Как бы сказать... Немного побаиваются. Не знаю, что с ними и делать.

- Не знаете?

- Ума не приложу. Вот часовой. Два раза убегал. Я уже ему внушал, внушал. Поговорите с ним, товарищ генерал.

- Зачем с ним нянчиться? Расстрелять мерзавца перед строем!

Словно не веря, что эти слова уже произнесены, приказ отдан, Кузьминич переспросил:

- Как? Как?

- Вы разве не слышали? Отобрать винтовку! Взять под стражу! Увести!

Командир взвода принял винтовку из рук беглеца-часового, повел его в какой-то дом. С ноги на ногу переступил Березанский, откашлялся, но ничего не промолвил. Немцы продолжали рассеивать снаряды. То и дело мгновенные всполохи раздвигали тьму. Звягин сказал:

- Противник пытается воздействовать на наших людей, пытается навязать им свою волю. Восстановим же крутыми мерами наше влияние.

Кузьминич растерянно заговорил:

- Но как же это? Я еще никогда... Еще никогда не приходилось...

- Постройте людей там, где почаще падают снаряды...

- Понимаю. Всю роту?

- Нет, к чему собирать всех? Выведите пополнение. И пусть трахнут подлеца.

- И мне самому?.. Самому надо командовать?

- Да. Вы же с ними прибыли.

Снова покашлял Березанский.

- Разрешите обратиться.

Звягин повернул голову к пожилому солдату.

- Я, товарищ генерал, насчет политрука. Не надо, чтобы он...

- Почему?

- Не надо. Сами управимся. А политрук это... Это, товарищ генерал, святое дело.

- Святых на войне нет, - жестко ответил Звягин. - Исполняйте приказание, политрук.

- Но как же?

- Организуйте. Предварительно соберите коммунистов. Передайте командиру батальона, чтобы сегодня же отправил донесение.

- Хорошо, товарищ генерал.

- Отвечайте: "Есть!" Вы наконец станете военным?

- Стану, товарищ генерал. Есть!

Звягин вернулся в машину. Минуту спустя ее силуэт уже исчез впотьмах.

Кузьминич закончил свой доклад. Спрашиваю:

- Расстреляли?

- Провели подготовку, - отвечает Рахимов, - Сейчас собирались отправиться на место.

Кузьминич вновь вставляет слово:

- Товарищ комбат, я его видел. Он просит прощения. Давайте обдумаем, товарищ комбат.

- Чего думать? Приказ есть приказ. Рахимов!

- Я!

- Иди с политруком. Постройте людей на перекрестке, откуда сбежал этот трус. Выждите, пока не упадут два-три снаряда, затем вы, Кузьминич, скажите людям слово. Скажите: того, кто бросит свой окоп, свою позицию, постигнет такая же кара. И командуйте: "Огонь".

- А вы? Вы не с нами, товарищ комбат?

- Нет. У меня еще много дел. Обойду с Брудным деревню, посмотрю, как он разместил оборону.

- Разрешите идти? - молвил Рахимов.

- Идите. Исполняйте.

Рахимов поднес руку к виску. Кузьминич старательно, отчетливо повторил этот жест. Оба они вышли.

...Вскоре, когда я с Брудным шагал по задам деревни, до слуха донесся треск винтовочного залпа.

Рассказывая об этом вечере, не могу миновать еще один эпизод.

Брудный привел меня к своему наблюдательному пункту. Место было выбрано толково - несколько на отшибе от деревни, в самой высокой точке горюновского холма. Оттуда открывался

обзор на все триста шестьдесят градусов. На участке виднелись прутья ягодников и ветки молодых яблонь, опушенные снежком. Бойцы рыли под полом окопы. Тут же присутствовала хозяйка - молодая мать.

Надо ломать дом, нельзя оставлять наблюдателям противника этот ориентир.

- Уходите отсюда. Выселяйтесь.

На руках женщины ребенок, за юбку держится другой, постарше. Она вспомнила о муже, он выбирал это место, любил сидеть, глядеть вокруг, сам посадил сад.

- Уходите. Сейчас будем ломать.

Ответы кроткие. Без истерики. И потому еще больше берущие за сердце.

- Куда же нам? Как же мы навсегда останемся без дома?

Что ответить? Я сказал:

- Отечественная война. Понимаете: Отечественная война.

Много раз произносил я эти слова, но никогда еще не проникал так в их глубину. Отнимаем у молодой матери прибежище, сами рушим ее дом. Какое у нас право? Отечественная война.

Думаю, женщина поняла меня. Она ни о чем больше не спросила, не возразила. Лишь глаза позволяли угадать сколь велико ее горе.

...Почему-то это осталось одним из поразительных воспоминаний о днях подмосковного сражения. Отечественная война. Самое священное. Выше всего. Даже материнство склоняет перед нею голову.

...Танки! Они появились не спереди, не слева, не справа, а с тыла, с той стороны, где шоссе, обозначенное вылизанными ветром островками асфальта, чернеющего меж косячков снега, убегало к Москве. Не завладев станцией Матренино, обойдя ее, противник где-то нащупал слабину и, сломив сопротивление, вырвался танковой колонной на основную магистраль. Но наш узелок в Горюнах преграждал прямое сообщение на шоссе, стоял у противника поперек горла.

Встают в мыслях те минуты... Сидя в железнодорожной будке, я вдруг услышал гул моторов. Почти в это же мгновение с негромким сухим треском бронебойный снаряд прошил стену, разнес вдребезги телефонный аппарат и, продырявив еще одну стену, ушел дальше. Сунув за телогрейку пистолет, я побежал на волю. Повар Вахитов, еще ни о чем не подозревая, священнодействовал над раскаленной плитой.

С порога сквозь поземку я увидел танки. Шли, приближались десять или двенадцать бронированных темных коробок,

устрашающе рыча. Шли развернутым строем, нагло, без пехоты. Одна машина - большущая, наверное командирская, - стояла рядом с моей будкой. Башня была обернута красным полотнищем. Торчал прутик антенны. Высунувшись по пояс из приоткрытого люка, танкист оглядывал местность. Меня он не заметил.

Стрелять? Я еще не успел ничего сообразить - смутила и красная ткань над белеющим на бортовой броне вражеским крестом, - как из-за будки бесшумно шагнул побледневший Кузьминич. Его голые, без варежки, пальцы сжимали ручку противотанковой гранаты. Показалось, что он двигается непереносимо медленно, уже и немец насторожился, быстро пригнулся.

В этот миг я выстрелил. А Кузьминич неторопливо рассчитанным точным швырком метнул в люк гранату. Стрелок, скрытый в машине, успел нажать спуск пулемета. Мой выстрел, пулеметный лай, острия пламени, вылетающие из тонкого рыльца, глухой грохот внутри стальной коробки, ее содрогание - все это слилось воедино.

Стук пулемета оборвался. Я обернулся к Кузьминичу. Из его рта ползла струйка крови. Что с ним? Закусил до крови губу?

- Кузьминич, вторую! - крикнул я.

Неспешным по-прежнему движением он кинул в люк еще одну гранату. Вновь содрогнулась тяжелая черная машина.

Лишь после этого политрук упал. Я бросился к нему, приподнял. Изо рта лила кровь, пузырилась красная пена.

Взрывы двух гранат Кузьминича стали будто сигналом отпора. Защелкали выстрелы двух пушечек, охранявших тыл, забухали противотанковые ручные гранаты.

Я вытащил бинт, расстегнул на Кузьминиче шинель. К нам уже подбегал Синченко.

- Берись, - приказал я, - помоги перенести политрука в будку. И седлай коня, скачи за фельдшером.

<1942>

КОММЕНТАРИИ:

На подмосковном рубеже

Впервые - в сб. "В последний час" (М., 1972).

Рассказ написан во время войны, вероятно, в 1942 году. Работая над четвертой повестью "Волоколамского шоссе" ("Резерв генерала Панфилова"), Бек включил без существенных изменений в главу "Еще три дня" сцену гибели Кузьминича, завершающую рассказ "На подмосковном рубеже".

Т. Бек